

Т. Д. Скрынникова

доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом
Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРАНИЦ МОНГОЛЬСКОЙ ОБЩНОСТИ В XVII ВЕКЕ

В монгольских текстах XVII в. термин «ulus» имеет различные значения: он может интерпретироваться и как «люди, народ», и как некая форма общности – «полития». При этом границы последней маркируются по-разному. «Mongᠣᠯ ulus» выступает в качестве политонима в тех случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии – прежней («сорок тумэнов») и периода XVII в. («шесть тумэнов»). И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить. Все случаи использования термина «ulus» демонстрируют его значение в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта.

Ключевые слова: монгольская культурная идентичность, история Монголии, ulus.

С конца XVI в. монголы выступают активным актором на политической арене Центральной Азии. Большой исследовательский интерес представляет реконструкция недостаточно изученных идентификационных практик монголов отмеченного периода: какие маркеры способствуют конструированию границ общности, каков характер этой общности. Реконструкция осуществлена через анализ монгольских терминов обозначения социальных, политических общностей, что позволило выявить и уточнить характер социально-политической организации и структуры. Важность именно этого периода подтверждается появлением в XVII в. летописей, отразивших как текущую историю, так и оценку прошлого в современной им интерпретации. Характерной чертой этих источников является то, что они почти исключительно посвящены династической преемственности власти потомков Чин-

гисхана, соответственно, обоснованию легитимности господства хагана и состоянию общности, которую он возглавлял. Анализ материалов летописей, в которых, с одной стороны, зафиксированы концепты, сложившиеся еще во времена существования Монгольской империи, а с другой стороны – представления и идеи нового периода, определяемого раздробленностью и распространением буддизма, может способствовать определению характера монгольского общества данного периода.

Политическая культура монголов XVII в., с одной стороны, является частью культуры вообще, связь с которой прослеживается и особенно ярко отражается в ритуале; с другой стороны, сущностным ее проявлением является социальная структура и организация общества. Именно поэтому в качестве объекта исследования был выделен феномен, обозначаемый термином «улус», фиксировавшим определенный уровень социальной организации. Отношения власти и властвования образуют особую сферу культуры человеческой деятельности и соответственно особую область культуры любого общества – культуру политическую, которая является специфическим способом деятельности социальной структуры в целом. В данной статье была предпринята попытка определить те ведущие идеи, в которых обосновывались способы стабилизации и функционирования социума согласно традиционному мировоззрению. Эти идеи можно рассматривать как синхронные на протяжении длительного периода (вплоть до начала XX в.), принимая во внимание, что изменения в экономической, социальной и политической жизни монгольских кочевников за семь веков происходили медленно.

Проблема интерпретации термина «улус», остается дискуссионной, о чем мы писали в монографии «Империя Чингисхана». Подобные споры представляются схоластическими и достаточно непродуктивными. Особенно когда речь идет о мультиполитии, состоящей из разнородных элементов разной степени культурной и/или цивилизационной сложности. По этой причине представляются бессмысленными однозначные заключения, что в таком-то году Монгольский улус не был государством, а вот в таком-то году барьер государственности был преодолен. Это эссенцистская постановка проблемы, и о терминах надо договариваться, а не спорить.

Если в «Тайной истории монголов» (далее: ТИМ) для обозначения определенной группы людей, связанных кровным родством (*линидж*, род) употреблялись термины «токум», «болок», «уруг», «обок», то в источниках XVII в. первые два встречаются в единичных случаях, и даже «уруг» только при изложении событий периода Монгольской империи. Термин «обок» в летописях XVII в. практически не используется. В некоторых из них, например в «Алтан Тобчи» (далее: АТ) при изложении периода, описанного в ТИМ, или в «Эрдэнийн Товчи» (далее: ЕТ), где мы встречаем выражение «кости кият рода борджигид» («Киод ясуту борджигид обогту»), он сохраняется, для более позднего периода актуальным становится использование терминов «отток» или «омок». И представляется, что они обозначают не столько кровное родство, сколько административно-территориальную общность.

Здесь мы встречаемся с парным словом «отог улус». Например, в ЕТ сообщается, что Чингисхан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (*монг.* «Тауан цауан-и көгөжү үгүүүад : найман отоу улус-и ерке-дүр-ийен ороул-бай»¹). Здесь употреблено парное слово (оток улус), где первое обозначает род, что подчеркивает неполитичное значение термина «улус», т.е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы людей, выделяемых в качестве приданного невесты, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданного дали людей двух родов – буга и солонго» (*монг.* «Буqас Solongуос qоуар отоу улус injitei ögсiküi»²). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом скорее всего свидетельствует о том, что и здесь улус обозначает людей, народ, которые перемещаются в пространстве.

Для изучения потестарно-политической культуры монголов важно отметить эволюцию понимания генеалогического

¹ Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewitz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No.15. The Australian National University. Canberra, 1990. P. 70.

² Ibid. P. 59.

принципа власти как структурообразующего, который сохранял свое значение. Генеалогическая непрерывность являлась абсолютным условием существования единства монгольского общества вплоть до XX в. Если в XII–XIII вв. в качестве общего предка выступал Бодончар, то в XVII в. им стал Чингисхан – реальный родоначальник правящей династии периода высокой политической активности. Счет велся на поколения с ориентацией на законного наследника верховных прав Чингисхана согласно принципу примогенитуры. Важную роль стало играть получение титула «хаган» как показателя верховной власти, и присвоение его легитимировало притязания на верховную власть. Особое значение приобрел и комплекс-хранилище реликвий Чингисхана – «восемь белых юрт», находящиеся в Ордосе. Например, сын Даян-хана «прибыл к Белым юртам, принес жертву и совершил поклонение»¹. Также и внук Даян-хана – Боди Алаг, которого его дядя Барс Болад-джинон попытался отстранить от верховной власти, поклонился восьми Белым юртам, и дядя посадил его на великий престол хагана². Монгольские хроники XVII в. не содержат рассказов о выборах или обсуждении претендента на ханский престол, как нет и описания обряда. В отличие от XIII в. фраза хроник, сообщающая об этом событии, достаточно стандартна: «получил титул хана перед белыми юртами»³, «сел на ханский престол», «сел ханом»⁴, «на великий престол воссел», «сидел он на ханском престоле»⁵.

Вплоть до XX в. сохранялась значимость принадлежности к правящему роду. Но если в XIII в. в ТИМ сообщается, что Есугэй, отец Чингисхана, принадлежит роду кият, а Рашид-ад-дин сообщает, что Есугэй является представителем рода кият-борджигин, то в летописях XVII в. использование двух этнонимов – «кият» и «борджигин» – встречается лишь единожды в упомянутом выше случае. Этноним «киян» («кият») исчезает из монгольских идентификационных прак-

¹ Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973. С. 284.

² Там же. С. 288.

³ Erdeni-yin tobci. P. 56.

⁴ Ibid. P. 221.

⁵ Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). С. 289, 290.

тик, а идентичность Чингисхана приписывается одному роду – роду борджигин. Причем, поскольку летописи составлены в буддийской традиции, согласно которой власть транслируется от первых индийских царей к тибетским, а через них к монголам, теперь потомки Чингисхана принадлежат Золотому роду царей Индии и Тибета.

Оригинальные монгольские тексты XVII в. зачастую демонстрируют неопределенность значения термина «ulus», которое может одновременно интерпретироваться как люди, народ, так и как некая форма общности – полития. При этом границы последней маркировались по-разному. Прежде всего, следует вспомнить о позиционировании идентичности всей Монголии. Отмечается связь возрожденной Монголии с империей Чингисхана: «Нынешний шеститумэнный улус, сохранившийся от древнего Монгольского улуса сорока тумэнов»¹. Монголия «Шести тумэнов» обозначается в этом источнике как «любезный [сердцу] Великий улус, установленный твоим замечательным предком»². Сохраняется и историческое наименование Монголии. Например, Великий закон, принятый в 1640 г. совместно монголами и ойратами, называется законом «Сорока [монголов] и четырех [ойратов]». Безусловно, «Mongγol ulus» выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии – прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если разрушить нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов»³. И сорока тумэнный монгольский улус, и шести тумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

Все случаи использования термина «ulus» демонстрируют его значение в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта.

¹ Erdeni-yin tobci. P. 131.

² Ibid. P. 162, 180.

³ Ibid. P. 131.

Анализ текстов летописей XVII в. может способствовать определению семантического поля, которое окружает понятие «улус» и другие примыкающие к нему термины как в период написания этих летописей, так и отраженного в них предшествующего периода.

Интересны употребления термина «ulus», относящиеся к наиболее ранним временам. Так, в «Шара туджи» (далее: ШТ) в качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингисханом, используются разные обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности: «Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа (монг. «Tere metü ulam nökir nemejü basa tayilçu abçu döçin tümen mongyol ulusi ogoyulçu»¹) и двадцати восьми лет от роду в Худодарал на Керулене стал хаганом»². В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже – сорок тумэнов монгольского народа³.

Новый, не встречавшийся в эпоху Чингисхана, его образ в качестве вселенского монарха можно видеть в следующих словах Чингисхана: «По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду»⁴ (монг. «Tngri qormusta tngri eçige-yügen jarliq-iyar delekei dakin-u arbrn qoyar yeke qayan-i : erke-degen oroyulju : yerü

¹ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной. – М.; Л., 1957. С. 22.

² Там же. С. 128.

³ Предположительно, представления о монголах как общности сорока тумэнов относятся ко времени Юаньской династии, поскольку в ШТ имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» (Шара туджи. С. 140) (монг. «döçin tümen mongyol-un jirguyan tümen inu yarbai») (Там же. С. 57)). И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные своему прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» (Там же. С. 145) (монг. «döçin dörben-i tengse») (Там же. С. 85)), где число сорок обозначает монголов, а четыре – ойратов.

⁴ Шара туджи. С. 131.

yekengki üiles-iyen tegüsgebei bi»¹). В данном примере число двенадцать обозначает горизонтальную модель мира, который цивилизуется нахождением в его центре персоны Чингисхана. Подобная модель отмечается в «Шара туджи» и для Хубилая: Хубилай, «летом пребывая в городе Шанду Хэйбун Хурду, зимой в городе Ихэ Дайду, четырех народов не допускающая до потрясений, восьми границ не колебля (монг. «dörben ulusi ülü tengselgen : naiman kijayaḡ-i ülü nisayalayan»²), установил всеобщее спокойствие и счастье»³. В летописях XVII в. встречается и модель, известная по ТИМ, только Чингисхан не является сыном Неба, а приобретает буддийскую окраску: «хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа»⁴ (монг. «Tabun öngge dörben qari ulusi erkedegen oḡöyluysan anu»⁵).

Естественно, центром вселенной в эпоху Чингисхана являются монголы – «mongḡol ulus». Согласно Саган-Сэцэну, Чингисхан заявляет, что с этого времени «Köke mongḡol» будет называться «Köke ulus mongḡol» («Köke mongḡol ulus»)⁶. Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях ЕТ) позволяет предположить, что данный идентификационный маркер еще не закрепился в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин «ulus» не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то можно было бы перевести его как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое – «улус синих монголов» (в значении политии), и второе – «синие монголы» в значении «народ». Возможность второй интерпретации подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингисхана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминается «увеличивающиеся в числе (разрастающиеся) подданные – монгольский народ твой» (монг.

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Erdeni-yin tobči. P. 56.

«*urγumal ayul albatu Mongγol ulus cinu*»¹. В данном контексте словосочетанием «*Mongγol ulus*» совершенно определенно обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань» – подданные.

Словосочетание «*Mongγol ulus*» в тексте ЕТ встречается довольно часто и здесь «*Mongγol ulus*» может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима «Монгольский улус», так и в качестве этнонима (монгольский народ/монголы). «*Mongγol ulus*» является объектом действия и имеет амбивалентное значение также в следующих двух контекстах: «Монгольский улус силой возьму» (*монг. «Mongγol ulus kücün-iyer buliyaju odumu*»²); «так как я не хочу навредить монгольскому улусу, а ты думаешь о торо, требуй своих нойонов миром» (*монг. «bi Mongγol ulus-tur mayui ülü kikü-yin tula : ta törö-yi sanaju : noyan-iyан eye-ber nekekü bügesü*»³). В данных случаях речь может идти о Монгольском улусе как о политике, так и о монголах как об этнической общности в противовес ойратам.

Все примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. В данном случае владение (улус) выступает в качестве его богатства, с одной стороны. С другой стороны, улус, как сообщество подданных, является объектом, к которому хаган проявляет патерналистские отношения в качестве «владыки» (*монг. ejen: qan ejen / qaγan ejen / ulus-un ejen / ejen boyda / tenggelig boyda ejen*), обозначаемого как «хаган-отец» («*qaγan esige*»⁴). Вышеперечисленные термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или чем-либо, например, домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, при-

¹ Ibid. P. 82.

² Ibid. P. 179.

³ Ibid. P. 183.

⁴ Ibid. P. 13, 86.

бывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли... послы чахарского Тумэн-хагана» (*монг.* «Kitad-un Daiming Vanli qaγan-u elcis... Сагаг-un Tümen qaγan-u elcis»¹).

Выражение «ulus-un ejen», которое можно интерпретировать как «владыка улуса», является распространенным словосочетанием, констатация статуса хагана как владыки (владельца/господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i ejelekü*) или овладения (*ulus-i abcü*) улусом. Что обозначалось словом «улус»?

Неопределенность значения термина «ulus» в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле семьдесят четыре года и умер в возрасте восьмидесяти лет» (*монг.* «tendece Dayan qaγan : jirγuγan tümen ulus-i jonggilan tökögircü : narbai yeke Mongγol ulus-i engkejigülün jirγaγuluγad : dalan dörben jile qan orondur saγuju : nayan nasun-ıyan güi taulai jile tengri bolbai»²). Здесь, как видим, термином «ulus» обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность – весь великий Монгольский улус, что позволяет, с одной стороны, предположить некую самостоятельность тумэнов, с другой стороны, недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хан всех ввел [под свою эгиду] всех – три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (*монг.* «tendece Dayan qaγan barayun γurban-i burin oroγulun : jirγuγan tümen yeke ulus-ıyan tökögerün tübsidkeged»³). В результате образованная им полития называется и великий Монгольский улус, и великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии установившегося твердо фиксированного наименования общности.

¹ Ibid. P. 165.

² Ibid. P. 130.

³ Ibid.

Следует отметить те случаи употребления термина, которые несут его первоначальное значение – народ, люди. Не вызывает сомнений значение термина «улус» в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили... когда на тот безродный народ напали и захватили» «tere ulus-аса surabasu... tere оуогсау ulus-i дуулжу абқидиг»¹. Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. – Т.С.) устроили пир» (монг. «Tatar ulus qurimlan»²), Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (монг. «amaгау ulus-un gerte ороју»³), где его, как известно, отравили. Упоминаются народы кочующие «ködelkü ulus»⁴ и оседлые «сауқиу ulus»⁵.

Народ можно захватить (абқи) («захватили тридцать одно кочевье и людей» «үсін ниген нутуу ulus-i абсу»⁶, где, как видим, раздельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (монг. «ulus irgen kiged-i агулжу абун»⁷), на что прямо указывает парное слово «ulus irgen» – «люди». В значении «захватить» используется и другой глагол – «buliyaқи». «Монголов захвачу силой» (монг. «Mongyol ulus kücün-iyer buliyaju odumu»⁸). О том, что улус – это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (монг. «ulus mal-i talaju абун»⁹). О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Мани-минггату, «захватил всех людей»

¹ Ibid. P. 49.

² Ibid. P. 51.

³ Ibid. P. 52.

⁴ Ibid. P. 153.

⁵ Ibid. P. 72.

⁶ Ibid. P. 58.

⁷ Ibid. P. 139.

⁸ Ibid. P. 179.

⁹ Ibid. P. 141.

(монг. «ulus бүгүде-йи орогүлжү абуяд»¹) вместе с его вдовой – Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Божэгүтэем. Здесь глаголу «abqu» сопутствует глагол «орогүлқи» (приводить), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении «привести кого-либо в свои владения» используется и глагол «татақи» (тянуть): «поскольку народ привели издалека» (монг. «qola-yin ulus-i tataqu-yin tula»²). Можно также «привести людей [рода] уджид» (монг. «Üjiyed ulus kürgejü»³). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как их делить после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зулахатун, жены Бадма-самбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» «Badm-a yügen ulus-i bida yakin qubiyamui»⁴.

С народом можно объединяться и его собирать: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. – Т.С.) соединились со своим великим народом» (монг. «aq-a degüü yeke ulus-luḡaban neyileldün») и «собрали весь народ» (монг. «narmai yeke ulus-i qurıyan сулауулжү»⁵) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. В плаче Тогон-Тэмура также обнаруживается тема собирания народа правителем под его эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною... Собранный, соединенный народ свой я покинул»⁶ (монг. «qan tngri-yin köbegün Ćinggis qaḡan-u jögegsen ulus-i örkijü... qamur-un jögegsen ulus-i ni orkiju»⁷).

В следующем отрывке прослеживается явная синонимичность в употреблении терминов «улус» и «тумэн» в эпоху правления Лигдан-хагана: «Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа (jıḡuḡan tümen-i . qan qaḡaṣu) шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть вели-

¹ Ibid. P. 138.

² Ibid. P. 60.

³ Ibid. P. 187.

⁴ Ibid. P. 138.

⁵ Ibid. P. 181.

⁶ Шара туджи. С. 142.

⁷ Там же. С. 55.

ких народов, тридцать один год на ханском престоле сидел»¹ (монг. «jigüyan yeke ulusı küjig-iyer qurıyaıad»²). Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингисхана, термином «улус» обозначалась некая достаточно устойчивая общность – полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из «Шара туджи»: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмиря, весь великий народ покоем осчастливил»³ (монг. «güden qaıan qas yeke tögü-yi töbsitkejü : gür yeke ulusı engke jigüyulju»⁴). Политийность понятия «yeke ulus» подкрепляется сопровождающим его словом «gür», что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное сложное общество. Гарантом его стабильности был правитель – проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума благодаря связи с tögü⁵. Причем правящая верхушка отделена от народа, на что указывает и случай с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (монг. «qatun köbegüd ulus inu nekejü kelecüküie»⁶), и упоминание о Монголии времен Лигдан-хагана: хан и простолюдины шести тумэнов («jigüyan tümen-i . qan qagaıu»⁷).

Завоевания ведут к приумножению подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (монг. «albatu ulus oldaqu»⁸). Хонгирадский Вчир-сэцэн сказал: «Владыка мой... пусть твоих подданных будет много» (монг. «ejen minu... albatu ulus cinu elbeg boltuıai»⁹). Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины – «albatu», «qaralmai». Так, Чингисхан говорит: «Весь великий поддан-

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ На мой взгляд, Н. П. Шастина предложила неточный перевод фразы qas yeke tögü-yi töbsitkejü («драгоценную великую державу усмиря»). Ее следует читать так: «установил яшмовое великое tögü».

⁶ Erdeni-yin tobci. P. 183.

⁷ Шара туджи. С. 76.

⁸ Erdeni-yin tobci. P. 57.

⁹ Ibid. P. 69.

ный народ мой» (*монг.* «*yerüنگkei albatu yeke ulus minu*»¹). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни, разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (*монг.* «*qaralmai ulus minu: qairan үajar minu*»²). Улус можно разорить (*ebdekü*). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (*монг.* «*үajar ulus-i inu ebden yabuqui-dur*»³). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (*монг.* «*үajad ulus-i inu ebdejü jobayan yabuqui-dur : Kitad ulus yekede ayuju*»⁴). После чего он получил от китайцев титул и золотую печать.

Правитель, в свою очередь, заботился о людях. Так, например, упоминается Мэргэн-джинон, который подчинил своей власти неприятеля, «заботился о своих младших братьях и своем народе, постоянно возвышал закон» (*монг.* «*Öberün degüner ulus-iyан asaran tedkүjü. Ülemji töгө yosun-i jiluyadun*»⁵). Улус чаще и в значении «народ, люди» является объектом действий властвующей элиты, у которой были не только права на них в качестве господ и владельцев, но и обязанности воспитывать, обеспечивать мир, спокойствие и счастье людей. «Если воспитываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» (*монг.* «*narmai yeke ulus-i šasin töгө-ber tejigebesü : qayan kemegedekü-yin үabiy-a inu ene boluy*»⁶).

Примеров, где народ, люди выступают субъектами действия, немного. В частности, упоминались монголы, которые опасались нападения на окраинах (*монг.* «*jaq-a-daki Mongyol ulus emiyejü yabun*»⁷). Можно также вспомнить и качества,

¹ Ibid. P. 75.

² Ibid. P. 80.

³ Ibid. P. 182.

⁴ Ibid. P. 138.

⁵ *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen // Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2001. S. 160.

⁶ Erdeni-yin tobči. P.184.

⁷ Ibid. P. 183.

присущие людям: недостаток мудрости у монголов (Mongyol ulus) и много гордости¹.

Вышеприведенные примеры демонстрируют значение термина «ulus» в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной степенью уверенности говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин «ulus» не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления, отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином «ulus-un ejen» подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина «ulus» как субъекта действия совершенно определенно связаны с его начальным значением «народ, люди».

Денотат «монгол» употреблялся для обозначения правителя – хагана, символа единства монгольской общности: «Mongyol-un Altan qayan»², «Mongyol-un Qubilai secen qayan»³, «Mongyol-un Toγan temür uqayatu qayan»⁴, «Mongyol-un Cinggis-qayan»⁵. Для обоснования легитимности наследования верховной власти составляются летописи, фиксирующие генеалогическое древо, что находит отражение и в их названии. Например, «Великая Желтая история поколений древних монгольских ханов» («Erten-ü Mongyol-un qad-un ündüsün-ü yeke sig-a tuγujı»⁶), что подчеркивает монархический характер власти, связанной с наследственным владением.

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина «ulus», которое может одновременно ин-

¹ Ibid. P. 166.

² Ibid. P. 147.

³ Ibid. P. 153.

⁴ Ibid. P. 185.

⁵ Ibid. P. 68.

⁶ Ibid. P. 192.

терпретироваться как аморфная масса – люди, народ и как некая форма общности – полития. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления на верховную власть, только начинает формулироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В Монголии рассматриваемого периода трудно обнаружить, во-первых, пример безличного употребления термина «ulus», т. е. обозначения им субъекта действия, и, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как «шеститумэнный монгольский улус». Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых не всегда совпадают.

Зачастую исследователями данные источников, содержащие идентификационные маркеры, соединяются в некий реестр и интерпретируются как реальная социально-политическая композиция, выступающая достоверной моделью единой общности «монголы», хотя, как мы видели, трудно полагаться на абсолютную точность представляемых в источниках конфигураций сообществ. Главная трудность заключается в специфике средневековых идентификаций: границы сообществ в силу их «воображаемости» не могут представлять и никогда не представляют собой прокрустово ложе идентификационных практик как во внутренних, так и во внешних идентификациях/идентичностях.